

Написане лишається

Надія Миронець

ЕПІСТОЛЯРНИЙ ДІАЛОГ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА З РОЗАЛІЄЮ ЛІФШИЦЬ (ЖОВТЕНЬ – ЛИСТОПАД 1911)*

Уперше виявлено в архівах, досліджено й публікується взаємне листування В.Винниченка з його нареченою, а потім громадянською дружиною Р.Ліфшиць за 1911-1918 рр. Листування містить багату інформацію про стосунки між кореспондентами, їхній світогляд, настрої, фізичний стан, побутові умови, дозволяє уточнити деякі моменти біографії письменника, обставини написання та видання творів, постановки п'єс, коло спілкування, участь у громадському житті тощо.

Ключові слова: листування, адресат, біографія, написання та видання творів.

Nadiya Myronets. Volodymyr Vynnychenko and Rozaliya Lifshyts: a dialogue in letters

This is the first publication of V.Vynnychenko's correspondence with his fiancée, later his civil wife R.Lifshyts in 1911-1918. The letters which were recently discovered in the archives provide rich information on the correspondents' mutual relations, their Weltanschauung, moods and feelings, state of health, everyday life etc. Therefore they allow to gain some additional information on the writer's biography as well as on the circumstances of some of his works' production and publication, staging of his plays, his circle of acquaintance, public activities and so on.

Key words: correspondence, correspondent, biography, production and publication of the works.

№25

24 oktobre

Чувствую сильную слабость во всем теле, болит горло, немножко, и очень грустно. Вчера вечером получила твою телеграмму. Конечно, посуду уже нельзя вернуть; написала ему *petit bleu*¹, а сегодня пойду сама. Но вероятно ничего не выйдет. Если даже он и не продал посуду, я ему больше 20 fr. за нее не дам!

Как я рада, что хорошая квартира. Ее нашел Левушка, ведь ты же не мог успеть? Милый, опиши мне ее подробно и нарисуй план. Сколько стоит в месяц? Все-таки я рада, что тебе не придется жить в отеле. Ты, вероятно, целый день в бегах, в противоположность мне. Я сижу, как будто меня приклеили, и зубрю. Когда отрываюсь, думаю о тебе, опять набираюсь энергии и опять зубрю.

Вчера вечером Н[адя] пришла в мою комнату, увидела “Землю”² и стала читать.

Почти с самого начала принялась делать замечания вроде: “Когда Печорин, ему недостает черного плаща и пр.” Потом увлеклась, щеки загорелись. Когда читала про суд у Кис[ельских], отвечала Мирону³ с таким раздражением, что я спросила у нее даже (нарочно, конечно): “Да что ты, как будто это тебя обидели”. На что она мне ответила: “Конечно, все это относится прямо ко мне, это я глупенькая, маленькая, ничего не понимающая...” Она говорила еще много разных слов, но все не по адресу автора, а Мирону. Не пропустила ни одной страницы и кончила роман в этот же вечер.

* Продовження. Початок див.: *СіЧ*. – 2007. – №9. – С. 48; №10. – С. 62; 2008. – №1. – С. 78.

¹ *petit bleu* (фр.) – маленька записка.

² “Земля” – збірники, що видавалися “Московским издательством”, 1911 р. у ньому була опублікована повість В.Винниченка “Честность с собой” (1911. – Сб. 5. – С. 1-254).

³ Мирон Купченко – герой повісті В.Винниченка “Честність з собою”.

А на тебя она, кажется, очень рассердилась, п[отому] ч[то] очень ты ее обидел. Сказала еще, что Мирон ей кого-то странно напоминает, и спросила: “а тебе разве нет?” М[ожет] быть, тебе это не интересно, но это характерно для Нади.

Завтра должно прийти письмо от тебя, но я уж сегодня два раза сбегала вниз и спрашивала у конс[ьержки].

Собственно то, что есть сейчас, не есть жизнь. Все мои мысли и чувства отсутствуют. Они давно уже уехали из Парижа и бегают, как собачки, за своим хозяином.

Меня упрекают Н[адя] и Л[юба] в апатичности. Какие они странные! А разве может быть иначе?

Всякая моя мысль начинается так: “Когда я уеду”. Коротенькие ниточки привязывают меня еще к Парижу, но я уже простилась с ним. У меня даже некоторая “тоска по родине” от этого.

Мне не хочется, чтобы ты уже все устроил. Хочется, чтобы мы вместе, занавески и другие маленькие вещи мне хочется сделать самой.

Пришло Наде письмо от К.⁴ Она дала его мне, хотя в нем он просит мне не показывать.

Опять то же самое и те же угрозы, самоубийства. Но теперь это уже не страшно и никто этому не верит. Н[адя] говорит, что ей надоела переписка и она ее прекратит.

Есть некоторые намеки на его чувство к Наде. Я ей показала, но она удивилась и утверждает, что я воображаю.

С Васей я почти не разговариваю. Кажется, я его чем-то обидела, но мне от этого легче. Он все сидит и разглядывает путеводитель. Как с паспортом?

Вижу тебя на вокзале. Озабоченное лицо и улыбающиеся глаза. Милые глаза, и нос, и руки, и все милое до бесконечности.

До свиданья! Будьте здоровы и веселы и не забывайте меня.

Ваша Роза. (Арк. 24 – 25)

№26

25 octobre

Милый, я ошиблась, рассчитывая сегодня получить письмо от тебя. Значит, завтра! Вчера вечером получила открытку из Кракова с этим ужасом. Слава богу, что ты мне прислал телеграмму и я знаю, что ты жив и здоров. Ты спрашиваешь про мою простуду. Кашляю и чихаю целый день и голова тяжела, а больше ничего нет. Все пройдет дня через два. Посуда уже не существует, кастрюли, по крайней мере. Хозяина не было дома, и сказала мне жена. Об остальном я не буду говорить, т[ак] к[ак] это не стоит. Весь сервиз стоил 20 fr. Ящик еще не отправлен. Теперь мне очень некогда, но я просила его жену упаковать без меня и дала Л[евин] адрес.

Экзамен поглотил меня и не позволяет ни о чем думать. Просыпаюсь среди ночи с ужасом, что вдруг не выдержу. В 6 ч[асов] зажигаю лампу и учусь, лежа в кровати. Надя делает то же самое. В 8 пьем кофе и опять занимаемся и т.д., и т.д. Люба приходит по вечерам и пишет Надю с красной лампой; вчера пришел пан Генрих⁵, и от того, что я была зла, я наговорила ему целую кучу дерзостей. Говорили о русской и польской литературе. О польских талантах, в частности. Но он перед отходом сказал, что не обиделся, хотя я его об этом и не спрашивала. Дик уже намекал Любе про деньги и не верит, кажется, что я отдам. Сегодня попробую достать у Поповой⁶, очень не хочется подавать ему повод для недоверия. Впрочем, он сказал Любе, что если бы даже наверное знал, что я ему не отдам,

⁴ К. – особа не встановлена.

⁵ пан Генрих – особа не встановлена.

⁶ Попова – паризька знайома В.Винниченка і Р.Ліфшиць.

все равно дал бы мне, такую ко мне чувствует симпатию! Каково? Для человека с “практическими принципами” это удивительно.

В моей “бедной событиями” жизни ничего значительного не случилось. Вчера было очень беспокойно после твоей открытки. Зброшенный, в какой-то дыре, измученный бессонной ночью, один. Если бы я знала по крайней мере, что хоть тебе хорошо теперь. Радость ты моя единственная. Напиши, как идут твои дни, что ты делаешь утром, днем, вечером. Пусть хоть немножко я представлю себе тебя там, а то я ведь ничего не знаю. Не забудь написать мне о статье. Что с ней?

Сейчас прояснилось на дворе. Даже в моей комнате стало уютно, и я вижу кусочек неба. Оно тоже целует тебя вместе со мной. Бывают моменты, когда я чувствую такую радость жизни, что мне даже страшно становится. А когда я не знала тебя — этого не бывало. Может быть это совершенно и не зависит от тебя, но я то чувствую, что это только благодаря тебе! Если я пишу что-нибудь нескладное, то это от избытка чувств, которые я совершенно не умею записывать в слова.

Я боюсь, что ты очень отвыкнешь от меня за этот месяц.

В какой части города находится наша квартира, в каком этаже, какой адрес. Живешь ли ты в ней уже?

Если мы поставим твою пьесу, то мне придется взять роль без слов. Ведь не могу же я с моим акцентом выступать? Эта идея меня очень занимает.

Вообще я чувствую, что хорошо жить на свете. Правда? Только вот никак не могу согласиться, что моя теперешняя жизнь — жизнь.

То, что я учусь, меня очень развлекает. Я делаю это с настоящим удовольствием пока что.

Видишь, сколько я тебе болтаю, и все о себе, как будто это и есть самое интересное, а на самом деле...

Надя бегает из кухни в столовую и обратно и ахает, что ей не дают учиться. Постоянно гадает о том, выдержит или нет. Я бы стала тоже это делать, если бы знала, что это помогает.

Сегодня после завтрака пойду за микроскопом. Хочу записаться в студенческую ассоциацию да денег жаль 12 fr.

Послала Швейцере⁷ открытку, спрашиваю о беленьких. Где-то они теперь!

Прощай, мой милый. Целую твои глаза крепко-крепко.

Спроси у Юрка, что ему привезть. Если бы ты знал, как я жду писем!!!

Ро[за]. (Арк. 26 — 27 зв.)

№27

28 octobre

Прости меня, дорогой, что я рассердилась на тебя вчера! В первом письме ты обещал написать “завтра”, а я не получила вчера ничего и так огорчилась, что даже тебе не написала. Прости, мой усталый, замученный мальчик! Бегаешь целыми днями и все из-за меня. Ведь не будь меня, ничего этого не пришлось бы делать. Эх-ма! Ну, ничего, как-нибудь это должно же кончиться. Только если бы не очень запутываться в долги. Подешевле бы квартиру... Опять вмешиваюсь, сидя за тысячи верст. Хорошо мне советывать. В конце-концов мне совершенно все равно, как жить, если ты со мной и тебе не очень скверно.

М[ожет] б[ыть], тебе было бы лучше не жить у Левушки? Я так и думала, что М[ария] не будет этим довольна; да и теперь, после объяснения, не верится мне, чтобы она примирилась с тобой окончательно. Все эти недоразумения, маленькие колючки, от которых можно отделаться, только перестав замечать их. Если бы все было всегда хорошо, никакой заслуги бы не было жить так, как решил.

⁷ Швейцер — особа не встановлена.

Недавно опять был пан Генрих (он приходит почти каждый день). Сказал, что у него была Сонечка Гольденкран⁸, и они говорили обо мне. У меня было ощущение, будто до меня дотронулись вымазанные грязью руки. Очень гадко. Теперь, когда приходит он, я не выхожу.

Видала Попову и сказала ей, что вышла замуж. Она ахнула, потом удивилась, потом спросила, каким образом. Когда я ей сказала, что не венчалась и не буду, она оскорбилась “Вы запрягли лошадь в телегу на четырехугольных колесах и хотите, чтобы она везла”. Как выражение, это мне понравилось. Я довольно усердно стала объяснять ей мои взгляды. Она, конечно, ничего не могла мне возразить и в конце концов сказала, что с твоей стороны это не хорошо. Все то же, вечно то же. Фразы вроде: “Так вы хотите переделать мир” и пр. “Я ни за что не скажу никому, т. к. не хочу, чтобы делали подозрительные гримасы на Ваш счет”. И от этого был осадок, но скоро прошел. Осадок не от того, что я думала, что она права, а не я. Ты понимаешь.

Когда я думаю о нашей жизни, о тысячи мелких, надоедливых пустяках, я не боюсь ни за себя, ни за тебя. С непривычки это задевает, а потом — ничуть. Счастье ты мое. Хочется мне необыкновенного. Такого, чтобы ты поверил в мою силу. А то мне все кажется, что ты боишься за меня. Я нарочно пишу тебе все эти случаи, чтобы ничего не прятать от тебя из того темного, что бывает во мне.

Отчасти даже хорошо, что тебе некогда думать. Некогда, значит, и скучать. Скоро и незаметно пройдет время, и ты даже удивишься, когда я приеду.

Мне хорошо. Спокойно оттого, что ты живешь где-то там, радостно от сознания, что думаешь обо мне.

Правда, нам не везет, и все наши планы расстраиваются, но “это к лучшему”, как пишет Верочка.

Прости, что я вскрыла письмо из “Пользы”⁸. Мне очень хотелось узнать, что они пишут, а на конверте было обозначено, откуда это. Прощаешь? Это грустно, но надо было ожидать.

Прислать ли тебе “Базар”?⁹

Сейчас иду лечить глаз, который разболелся от микроскопа. Пока прощай. Пиши подробно. Роза.

P.S. Левушке мой привет. Не рассказывай ему про меня, а то он вообразит и совсем разочаруется.

Как долго идут письма! Сюда приходят только на 4-й день. (Арк. 28 – 28 зв.)

№28

30 octobre

Что же это такое! У тебя нет денег, крошка моя, и я не могу достать. Я бы могла заложить велосипед, но ведь ты тоже мог бы это сделать, если бы захотел.

Отчего же все так плохо сложилось? Что там такое в “М[осковском] Книг[оиздательстве]”¹⁰, ответили ли они тебе на твое письмо из П[арижа] и что?

Не надо ничего скрывать от меня. Лучше, чтобы я все знала, чем воображала самое худшее. Как мне обидно и грустно за тебя.

⁸ Сонечка Гольденкран – особа не встановлена.

⁸ “Польза”. В.Антик и Ко – видавництво, засноване в 1906 р. у Москві Володимиром Морізовичем Анतिकом (1882–1972). У 1915 р. реорганізоване в акціонерне товариство “Універсальна бібліотека”. Видавництво мало культурно-просвітницьку спрямованість, основна видавнича серія “Універсальна бібліотека” складалася з дешевих випусків кращих творів світової, переважно сучасної літератури, яка видавалася великими тиражами. У цьому видавництві в 1910 р. вийшла книга: Винниченко В. Купля и другие рассказы. Разрешенный автором перевод с украинского А.Пигулович (“Универсальная библиотека”). – М.: к-во “Польза”, 1910. – 80 с. До книги ввійшли оповідання “Купля”, “Момент”, “Зіна”.

⁹ “Базар” – п’еса Винниченка, уперше опублікована: ЛНВ. – 1910. – Кн. 2. – С. 241–293.

¹⁰ “Московское книгоиздательство” в 1911 р. розпочало видання “Собрания сочинений” В.Винниченка. Вийшов т. I. Рассказы. Пер. с укр. – М.: Московское кн-во, 1911. – 316 с.

Деточка моя. Хоть бы чем-нибудь помочь. Еще М[ария]¹¹. Но в этой истории хуже всех Левушке. Представляю себе, как ему тяжело все это.

Что же, надо надеяться, что М[ария] примирится с тобой, а то ведь другого выхода ей нет. Как глупо, что все это какое-то недоразумение. В каком ты состоянии теперь? Что со сном? Плохо спать на маленьком диванчике. Если бы хоть и мне было плохо. А то мне очень хорошо, удобно и ничуть не унижительно. Володя мой, это слово никак сюда не подходит. Теперь все иначе. Мы с Н[адей] дежури́м по два дня. Я потребовала. Она сначала не захотела, но когда я сказала, что принуждена буду уехать от них — согласилась. Теперь все благополучно. О щекотливых вещах не говорят. Иногда только, когда мы остаемся с Надей вдвоем, прорываются у нее упреки мне за то, что я “наплевала на нее и на Любу”, что “вероятно никогда больше мы не увидимся” т[ак] к[ак] я не приеду ведь в Москву. Но это очень редко. Много зубрим, и нет времени для разговоров.

Я не уеду от них. Не из экономии, а от того, что не хочу обижать их. Мы все сидим без денег. Правда, сегодня первый день, но утром взяли у Любы 4 fr., чтобы отдать прачке, завтра деньги Васе должны прийти.

Дику 100 fr. я отдала, взяла для этого у Маршаков¹². Поэтому ты не беспокойся пока.

Мне не хочется, чтобы мы жили очень по-барски. Зачем нам? Это будет нужно потом, когда физические удобства и удовольствия будут самым важным в жизни. (М[ожет] б[ыть], этого и не будет никогда, бог даст!) А теперь не нужно. Нужно необходимое и чистое. Тебе виднее, м[ожет] б[ыть], это выгоднее — купить мебель, но это ведь на долго? А ты не будешь чувствовать себя связанным всем этим? Пожалуйста, делай так, как сам считаешь лучше для себя. Я привыкла жить студенчески, и меня не тянет к роскоши. Чем меньше вещей, тем легче жить.

Бедная моя усталая голова! Глаза чуть-чуть желтоватые и складки утомления около рта. Когда я закрываю глаза, то так ясно вижу тебя, что сердце колотится. Милый мой! Я готова самой себе завидовать за то, что люблю тебя. Мне жаль Надю, которая ссорится с В[асей]. Жаль Васю, жаль всех людей, которые, как слепые, живут, не видя того, как хорошо жить, и мучая друг-друга.

Мне бы хотелось, чтобы ты успокоился, пришел в себя, смог работать. Мы, в сущности, могли бы жить просто в отеле, хотя это у вас, кажется, невозможно?

Если бы не твердая уверенность в необходимости жить во Львове, я бы, пожалуй, и пожалела, что мы не остались в П[ариже]. Но я не жалею. Пусть тяжело и неудобно, но без этого нельзя.

Вероятно, я буду иногда пропускать дни и не писать тебе. Это не потому, что мне не хочется (мне хочется всегда); а потому, что бывает мало времени. Приходится быть в 3-х музеях, да еще в больнице через день.

Кстати: мой глаз очень мало болен. Очевидно, он испугался, что станут пропускать зонд, и канал — сам прочистился.

Теперь только будут промывать его. Это почти не больно, и я очень рада. Нахально пользуюсь своим званием медички, прихожу, когда хочу, и заставляю собой заниматься не в очередь.

Вот и все. Зачем ты хочешь прислать мне так много денег? Пришли пока 200. 100 для Маршаков и 100 мне. Если понадобится, я напишу.

Прощай пока. Право, я не знаю, почему ты извиняешься за письма. Мне не надо других. Пусть таких только будет побольше!!

Будь здоров, мой дорогой. Напиши о себе, о том, как себя чувствуешь.

Кланяюсь Левушке.

Твоя Р[оза]. (Арк. 30 — 31 зв.)

¹¹ Идетя, очевидно, про дружину Л.Юркевича.

¹² Маршаки — паризькі знайомі В.Винниченка й Р.Ліфшиць.

31 octobre

Прости меня, дорогой, за то, что я выкинула такую чепуху. Я не могла иначе! Если тебе очень это было неприятно, то ты все-таки меня не ругай. Лучше даже ругай, но не сердись. Чувствовать себя бессильной помочь — невыносимо.

Напиши мне, в каком положении дела. Т[ак] к[ак] нам невероятно не везет, я готовлюсь ко всяким неприятностям. Боюсь, что экзамена не выдержу в довершение всего.

Мне стыдно, что я послала тебе 28 корон, но я ведь их не доставала. В сущности, я же могла бы достать, если бы постаралась. Ты мне телеграфируй, если тебе очень нужно и сколько. Пожалуйста! Головка моя милая-милая. Хоть бы не так долго шли письма. Я боюсь думать о том, как тебе сейчас плохо.

Я не сержусь на М[арию]. Бог с ней. Конечно, она все это проделывает не от того, что ей хорошо. М[ожет] б[ыть], и другая сделала бы то же самое, а в ее душу не влезешь.

Спешу в лабораторию. Прощай, милый. Не выбивайся из сил для того, чтобы достать деньги. Достань немножко, чтобы жить пока, а когда выяснятся отношения с Москвой, будет видно, что можно сделать.

Целую тебя, моя радость. Т[воя] Р[оза]. (Арк. 32)

5 Novembre

Вот уже три дня как от тебя нет писем. Я стараюсь думать, что это ничего, что все обстоит благополучно, но мне не легко это делать. Мне грустно. Грустно не слышать твой голос, милые слова, не видеть тебя. И опять иногда кажется, что тебя нет и я все выдумала.

Далекий, далекий друг, где ты? Хочется кричать, звать тебя, готова бежать куда-то за тобою. Но нельзя, и я сижу прикованная, стараюсь казаться спокойной, чтобы не быть смешной.

Если бы только знать, что ты здоров! М[ожет] б[ыть], у тебя тоска, ты не можешь писать мне, п[отому] ч[то] не веришь. Милый мой, если бы ты мог быть счастливым, если бы знать, как это сделать. Я люблю тебя, когда ты говоришь со мной, люблю, когда ты молчишь, когда даже ненавидишь меня. Подумать, что только через три дня я узнаю, что ты думал сегодня, а м[ожет] б[ыть], и никогда не узнаю. Деточка, я не упрекаю тебя, пожалуйста, не подумай!! Если бы ты даже просто не хотел мне писать, я не рассердилась бы на тебя. Ты всегда говоришь правду, и значит, так надо.

Вчера уехал В[ася]. Он обещал написать тебе и не сделал этого, вероятно забыл, а я то уж конечно не стала напоминать. Надя просила меня спросить у тебя, как его искать, если его арестуют, и должен ли он говорить, кто он, или нет. Я исполняю точно ее просьбу. Она за В[асю] очень боится.

Теперь живем вдвоем. Уговаривали Любу переехать к нам, но она не хочет. У нее опять неприятная, вечная история — ребенок.

От Семы пришло письмо. Просит подписать доверенность, чтобы заложить дом. Рассказывает о делах, которые очень плохи. Обещает аккуратно высылать мои 100 р. О тебе не говорит ни одного слова. В П[ариж] не приедет. Ответила ему сухим письмом, подписала доверенность.

Напиши, получил ли посланные мною 400 корон?

Целую. Будь здоров.

Роза. (Арк. 33 — 33 зб.)

Вот я опять могу писать тебе, счастье мое! Все эти дни я мучилась тем, что ты волнуешься, не понимаешь моего молчания. Я не хотела, чтобы ты волновался, и скрыла день экзамена. Вчера он прошел очень благополучно. Я почти не волновалась, когда отвечала. Ты должен быть доволен мною, а я собою, конечно, довольна. Теперь могу передохнуть минутку. Мне так хотелось послать тебе телеграмму, но...ты этого не любишь. Я лучше пошлю ее после второго экзамена. Мы с Надей держали в один день; она тоже выдержала. Теперь все должно быть хорошо. Ты, мой милый, не должен только “не жить”. Пусть и в нашей разлуке будет для тебя удовольствие. Ведь мы еще две недели не увидимся. Это так долго, правда? О, как я мечтаю о том времени, когда увижу тебя! Мне даже страшно становится. Я не боюсь однообразия, скуки. Все это невозможно с тобою, и то, что “все не так, как я представляю себе”, и — тоже не важно. Помнишь, мы говорили с тобой, что никогда не бывает так, как кажется. А тебя я знаю и так беспредельно верю тебе. Мне все нравится в тебе и даже то, что “не хорошо”. Все, все мне дорого и так неудержимо тянет к тебе, что нет сил.

Твои письма меня бесконечно волнуют. Ты и не знаешь, с каким чувством просыпаюсь я каждое утро.

Ты устраиваешь нашу квартиру. Воображаю, сколько тебе возни! Что же, мы с тобой будем иметь “дом”, когда придется уехать одному из нас.

Детка, а как же с “Весами жизни”?¹³ Ты что-нибудь сделал для их помещения? Жалко, что М[иролюбов] не написал тебе подробно, как было дело. Я, конечно, гораздо больше удивилась бы, если бы они приняли. Бог с ними! Кажется, что это и лучше.

Цифра сделанного тобой долга меня несколько смутила. Ведь мы же не собирались жить как *bons bourgeois*¹⁴, а выходит что-то на то похожее...

Портьер у меня нет, есть всего одна желтая, на одно окно. По сколько ты будешь выплачивать за мебель?

Волока милый, оставь и мне что-нибудь устраивать, а то ты все один хочешь сделать.

Опиши, какая твоя комната, что в ней стоит. Тепло ли у тебя? Где ты достал белье для кровати?

Я боюсь, что тебе не уютно, холодно там.

Ты спрашиваешь про деньги, подожди немного, скоро соображу, сколько мне необходимо, и напишу.

Себе еще ничего не шила. Заказала костюм и пальто, но мерить было некогда. Я надеюсь успеть все себе сделать, что необходимо.

Мы с Надей в хороших отношениях. Выяснили многие вопросы, и теперь она понимает даже мой переезд во Львов. Каково! Кроме Любы, которая в отчаянии от своей беременности, никого у нас не бывает. Вчера втроем, после экзамена, сидели дома и ели устриц. Всем было грустно. Вася еще ничего не написал из Москвы, у Л[юбы] с Диком каждый день истории, а я, я счастливее их всех, п[отому] ч[то] скоро увижу тебя! Я записала все дни и вычеркиваю по одному. Скоро, скоро...

Прощай пока, м[ожет] б[ыть], от тебя будет что-нибудь сегодня. Я не могу посылать открытки, п[отому] ч[то] мне неприятно, если кто-нибудь прочтет.

Теперь буду писать чаще.

Обнимаю крепко, крепко.

Р[оза]. (Арк. 34 — 35)**

¹³ “Весы жизни” — роман Винниченка, написаний російською мовою, його первісна назва була прямим перекладом з української “Рівновага” — “Равновесие”, потім він дав йому назву “На весах жизни”. Оpubл.: Земля. — Сб. 9. — М.: Московское изд-во, 1912. — С. 25-292. Українською мовою опубл.: Винниченко В. Твори. — Кн. 6. Рівновага / Пер. з рос. Н.Романович. — К.: Дзвін, 1913. — 258 с.

¹⁴ *bons bourgeois* (фр.) — добропорядні (справжні) буржуа.

** Продовження в наступних номерах.